

детей (см.: Жизнь. 2003. № 111. С. 7). По статистике, в России ежегодно от рук мужей и сожителей погибает около 15 тысяч женщин. Примерно 40 тысяч представительниц слабого пола регулярно подвергаются избиениям и унижениям. Но по данным правозащитных организаций, 13% жертв домашнего насилия — мужчины. Правда, они предпочитают об этом помалкивать (см.: Окна. 2003. № 21. С. 6).

Среди жертв и ученые. Началась «охота на профессоров». 2002 год. 6 января в Петербурге через двое суток после побоев умер академик Глебов. В тот же день в Москве убита сотрудница Медико-стоматологического института Ильина. В январе задушен директор Института психологии РАН Брушлинский. В августе в Красноярске убит химик Бахвалов. В Москве убит заведующий кафедрой Московского медицинского университета профессор Коршунов. В ноябре в Москве застрелен профессор Российского государственного медицинского университета Святкин. 2003 год. 27 февраля убит директор Международного центра по ядерной безопасности Бугаенко (Мир новостей. 2003. №10. С. 9; Криминальная хроника. 2003. № 8. С. 2).

Но так или иначе ни одно из этих преступлений не раскрыто.

А в целом по «числу убийств на душу населения» Россия занимает второе место в мире после ЮАР (Криминальная хроника. 2003. № 9. С. 3).

Д. Корецкий

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ НАКАЗАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Основой успешного функционирования всех разумных существ, живых организмов и самоуправляемых систем является адекватное реагирование на внешние условия. Ребенок

щурится на солнце, женщина, ожегшись об утюг, отдергивает руку. Пингвин, если верить классику, почуяв бурю, прячется в утесах. Общество, столкнувшись с угрозой для себя, предпринимает меры к тому, чтобы ее нейтрализовать. Адекватное поведение — условие выживания вида, показатель сообразительности индивида и разумности социума. Иванушка-дурачок, скорбящий на свадьбе и веселящийся на похоронах, обоснованно получал порцию тумачов на каждом мероприятии.

Между тем, если сопоставить тенденции и качественные характеристики современной преступности с мерами, направленными на борьбу с ней, то можно предположить, что последнее десятилетие уголовную политику совершенно безнаказанно определяет тот самый незадачливый сказочный персонаж.

В год зарождения историко-социального феномена, именуемого перестройкой, в 1985 году, в СССР было совершено 18 718 убийств.

Адекватной реакцией государства стал расстрел 770 преступников¹. В 2001 году совершено 33 583 убийства, прочно обосновались в жизни и статистике неизвестные ранее широкомасштабные террористические акты... Какова ответная реакция на беспрецедентный рост особо опасных посягательств на жизнь человека — взрывы жилых домов, иностранную военную агрессию в Чечне, отрезание голов российских солдат под видеозапись, похищение представителя Президента РФ, похищение и убийство представителя МВД РФ, расстрелы и сожжения десятков ответственных должностных лиц органов власти, управления, правоохраны, политиков, депутатов и журналистов, захват театрального центра в самом сердце России? Если считать такой реакцией фактическую отмену юридически существующего института смертной казни, то она противоречит не только всякому представлению об адекватности, но и элементарному здравому смыслу!

Потому что, кроме общеизвестного и не опровергнутого аболиционистами аргумента о 100-процентной специаль-

¹ Корреляция здесь условна, так как в исполнение приведены приговоры прошлых лет.

ной превенции этого наказания, смертная казнь имеет ряд косвенных, но немаловажных аспектов.

1. Пенитенциарный. В современной криминальной реальности физическое уничтожение авторитетных руководителей организованных преступных группировок (ОПГ) является единственным способом удалить их от дел (практика криминальных «разборок» — наглядное тому подтверждение). Концентрация этих лиц в колониях для пожизненно осужденных неминуемо вызовет беспрецедентное давление на руководителей и сотрудников этих исправительных учреждений со стороны оставшихся на свободе членов ОПГ. В случаях, когда осужденными окажутся криминально-политические фигуры типа Басаева, Масхадова и т.п., не исключены прямые штурмы колоний боевыми отрядами их сподвижников. Причем шансы на успех у таких грубых, не укладывающихся в рамки закона и представлений о цивилизованности акций, как показывает жизнь, весьма велики.

2. Уголовно-процессуальный. В ходе следствия и судебного рассмотрения уголовных дел лица, совершившие тяжкие преступления, но игравшие в них второстепенную роль, опасаясь смертного приговора, изобличали более активных соучастников, позволяя воссоздать картину происшедшего и установить истину по делу. С отменой исключительной меры этот мощный стимул утрачен. Ибо подозреваемые и обвиняемые боятся правосудия куда меньше, чем своих подельников: ведь те смертную казнь не отменяли...

3. Социально-психологический. В вооруженном противостоянии двух сторон (а современное противодействие преступности приобрело столь отчетливо выраженные военные формы, что без нелюбимого некоторыми учеными термина «борьба» уже просто не обойтись) в проигрыше оказывается та, которая отказывается от методов и приемов, применяемых другой стороной. Если государство отказалось от смертной казни, а преступники — нет, то последние в этой борьбе получили преимущество. Граждане боятся бандитов больше, чем закона. Сами бандиты испытывают страх не перед милицией или прокуратурой, а перед своими «коллегами». Состояние борьбы со сколько-либо организованной пре-

ступностью и «успехи» судебных процессов над мало-мальски «авторитетными» лидерами преступной среды — наглядное тому подтверждение.

Хотя пожизненное заключение и 20-летний срок лишения свободы выдаются за равноценную альтернативу смертной казни, на самом деле они таковой не являются. Следует иметь в виду, что суровые санкции уголовно-правовых норм за тяжкие преступления успешно «корректируются» судебной практикой. Исследователи отмечали, что «чем больше размер наказания, предусмотренный законом за то или иное преступление, тем реже суды применяют его максимальные границы»¹. (Чем это вызвано, вопрос другой, и не менее интересный. По наблюдениям автора, несоразмерно мягкие приговоры являются одним из косвенных признаков принадлежности осужденного к организованной преступности. Это, естественно, не единственная и даже не основная причина.)

Несмотря на это, «правозащитниками» всех мастей внедряется в общественное сознание мысль о наступлении государства на права и свободы граждан и о необходимости дальнейшего ограничения применения любых принудительных мер, при этом совершенно необоснованно делаются ссылки на правоприменительную практику зарубежных стран. Не знающие истинного положения дел представители общественности, сотрудники СМИ, либеральная интеллигенция в штыки встречают любые предложения по ужесточению законодательства и правоприменительной практики.

Анализ подлинного состояния борьбы с преступностью показывает, что механизм уголовной юстиции работает по принципу «воронки». В 2001 году в правоохранительные органы поступило 3 868 370 жалоб, заявлений и сообщений о преступлениях, из них зарегистрировано 2 968 255 преступлений (76,7%), выявлено 1 644 242 совершивших их лиц (55,4%), из которых осуждено 1 233 669² (75%). Сопоставляя исходную

¹ Дементьев С.И., Шевченко А.Е. Практика назначения лишения свободы: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. КЮИ МВД РФ, 2002. С. 10.

² Основные показатели преступности в России в 1991—2001 гг. // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 87.

и конечную цифру, можно констатировать, что к ответственности привлечены только 31,9% преступников, или каждый третий, при условии, что все преступления совершались в одиночку. Если учесть, что заявления поступают далеко не обо всех совершенных преступлениях, далеко не все они регистрируются, к тому же определенная их часть носит групповой характер, то можно прийти к выводу, что 60–80% преступников вообще остаются безнаказанными.

Но даже когда избежать ответственности не удастся, она гораздо мягче, чем за аналогичные преступления в развитых странах. Например, за убийство характерно применение смертной казни (в некоторых штатах США), пожизненного заключения, двадцати или тридцати лет лишения свободы (США, Франция). У нас же средний срок лишения свободы за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ составляет 8,4 года (при санкции от шести до пятнадцати лет), а по ч. 2 ст. 105 — 11,5 лет¹ (при санкции от восьми лет до пожизненного лишения свободы).

В настоящее время из соображений политкорректности не принято обращать внимание на явную недооценку общественной опасности многих преступлений, занижение санкций и тому подобные алогичные меры, принимаемые в угоду тенденциям «прогрессивного», европейски-ориентированного гуманизма. Но когда, в единичных случаях, критика все же звучит, то воспринимается весьма убедительно. «Если государство считает умышленные уничтожение или повреждение имущества, совершенные путем взрывов, поджогов и тому подобных опасных способов, да к тому же повлекшие гибель людей, преступлениями лишь средней тяжести, то оно либо жестоко ошибается, либо намеренно не замечает реальной опасности подобных деяний, — пишет П.Н. Панченко², и с ним трудно не согласиться.

¹ Там же. С. 12.

² Панченко П.Н. Уголовное право на Весах Правосудия и Весы Правосудия на «часах» уголовного права: опыт исторического и сопоставительного изучения уголовно-правовых явлений. Криминологический журнал. 2003. № 1 (4). С. 76.

Помимо вопиющего характера подобного «милосердия», оно порождает деформацию всей шкалы наказаний. Если тяжчайшее преступление — убийство — наказывается в низших пределах существующих санкций восемью годами, то этот срок выступает как бы верхней планкой, рубежом, на который вольно или невольно ориентируются правоприменители. Но с таким ориентиром при последовательном подходе средний срок за причинение тяжкого вреда здоровью должен составить 4—5 лет, за разбой 2—3 года, за грабеж — 1 год. Соблюдение пропорциональности потребует для кражи условных мер наказания или вообще декриминализации (хотя подобное предположение вызвано полемической гиперболизацией, но именно это и произошло с введением в действие Кодекса РФ об административных правонарушениях). А наказания за хулиганство, угрозу убийством, побои, оскорбления превращаются в чисто символические, за которые изношенный и перегруженный механизм уголовной юстиции не желает и браться.

Но даже если вопреки усредненной тенденции опасному преступнику назначили адекватно высокую меру наказания, это еще не означает, что справедливость восторжествовала. Снижение фактического срока отбытия наказания, необходимого для условно-досрочного освобождения, широкое применение амнистий и помилований открывает возможности для быстрого возвращения на свободу. В 2000 году, например, было помиловано 12 843 осужденных, из которых более 76% отбывали наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. В их числе 2 689 убийц, 2 188 причинителей тяжкого вреда здоровью, 1 834 разбойника, 18 похитителей людей и 14 бандитов!¹

Вот как выглядят плоды подобной «гуманности». 27-летний О. осужден в 1991 году за кражу, причинившую значительный ущерб потерпевшему, к двум годам лишения свободы, но через год освобожден по амнистии и в период неотбытого срока совершил групповой угон автотранспорта, за что в 1993 году осужден к двум годам исправительных работ. В период отбывания наказания О. совершил кражу, причинившую

¹ Российская газета. № 78. 2002. 30 апр. С. 8.

значительный ущерб потерпевшему, за что в 1995 году осужден к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком на пять лет. В период испытательного срока совершил ряд групповых краж: с проникновением в жилище и причинением значительного ущерба потерпевшему, уничтожением чужого имущества, за что дважды судим в 1999 году и приговорен к шести годам лишения свободы. В 2002 году отбывающий наказание и привыкший к «доброму» отношению О. подал ходатайство о помиловании, которое было отклонено.

Это не единственный специально подобранный пример. Нередко приходится встречать лиц, имеющих три-четыре судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления и вновь совершивших очередное. Совершенно очевидно, что при соразмерных и реальных наказаниях 9—12 лет лишения свободы физически невозможно перенести больше двух «сроков».

Так обстоит дело с адекватностью наказаний. А вот что касается уголовно-правовой оценки опасных для общества деяний. В 2001 году количество краж в России составило 44% всех совершенных преступлений. Кражи — самые распространенные криминальные посягательства, экономическая основа общеуголовной преступности. Борьба с кражами — важнейшая задача любого государства. Статья 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях отнесла кражу на сумму до пяти минимальных размеров оплаты труда к административным правонарушениям. Поскольку большинство краж не превышает этой суммы, то ч. 1 ст. 158 УК РФ оказалась практически декриминализирована. Воры-карманники, профессиональные преступники, привилегированная прослойка криминального мира, которых очень трудно задержать «с поличным» и еще труднее доказать вину, фактически выпали из сферы действия уголовного закона: разовая кража практически всегда меньше установленного рубежа, а признак повторности в условиях отсутствия всероссийской системы учета административных правонарушений просто не станет «работать».

Бездумное, некритическое заимствование западных стандартов противодействия преступности, вопреки благим задумкам, влечет результат, прямо противоположный. К чему, кроме огромных затрат, привела реализация «прогрессивной» идеи о передаче следственных изоляторов, тю-

рем и исправительных колоний из одного ведомства в другое? Если раньше осужденные умирали от теплового удара в переполненных камерах под вывеской МВД, то теперь то же самое происходит под вывеской Министерства юстиции!

Еще одно новшество последнего времени — Уголовно-процессуальный кодекс. Обстановка, в которой он принимался, комментарии вокруг него и, наконец, содержание могут создать впечатление, что в России нет разгула преступности и бессилия перед ней уголовной юстиции, не жируют бандиты и не запуганы до предела честные граждане вкупе с работниками правоохранительной системы. Напротив — свирепствуют карательные органы и метут подчистую ни в чем не повинных людей. Именно поэтому следователь теперь лишен права возбудить уголовное дело без согласия прокурора. Но любой гражданин, обращавшийся в милицию, знает, что и в былые времена там вовсе не спешили возбуждать уголовные дела, а действовали с точностью до наоборот. Укрывательство преступлений и незаконные отказы в возбуждении уголовных дел — вот бич органов внутренних дел, с которым безуспешно борются многие поколения министров. И при таких обстоятельствах адекватным было бы прямо противоположное новшество: отказывать в возбуждении уголовного дела допускается только с санкции прокурора!

С субъектами этих самых санкций тоже вышла неувязка. Прокурора посчитали заинтересованным в исходе дела и передали право ареста другому органу, незаинтересованному. Теперь арестовывает обвиняемого... суд! Тот самый суд, которому впоследствии предстоит выносить приговор! «Заинтересованный» прокурор мог только просить о назначении той или иной меры наказания. «Незаинтересованный» суд разрешает дело по существу. Перед этим он уже выскажет свою позицию при даче разрешения на прослушивание телефонных переговоров подозреваемого, выемку почтово-телеграфной корреспонденции, обыск и арест... Как при этом он умудрится сохранить незаинтересованность — уму непостижимо!

Продолжать анализ подобных несуразностей можно практически до бесконечности. Ограничимся только тем, что с введением нового УПК почти вдвое снизилось число возбужденных уголовных дел и арестов. Его создатели убеж-

дают всех, что это хорошо и соответствует европейским стандартам. Но беда в том, что наша преступность «ихним» стандартам не соответствует. Она качественно обостряется и угрожает основам общества и государства. К тому же она растет.

Иванушка-дурачок, увидев через забор, как сосед заправляет новый автомобиль высокооктановым бензином, выпросил канистру, дождался подходящего случая и, когда загорелся коровник, принялся этим самым бензином тушить пожар. И никто не дал ему тумаков...

Л. Радзиховский

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Я считаю себя журналистом либерально-демократического направления. Один из обязательных символов веры людей данной породы — борьба за отмену смертной казни, т.е. «за гуманизм» по отношению к убийцам, маньякам и тому подобной публике. Мои уважаемые собратья добились больших успехов — вопреки инстинкту самосохранения, чувству справедливости и здравому смыслу огромного большинства людей смертная казнь действительно запрещена во всем «цивилизованном мире», больше того — сам этот запрет стал одним из главных критериев, отделяющих «цивилизованные» страны от «нецивилизованных». Поскольку Россия очень хочет быть страной цивилизованной, а добиться этой чести нам с нашей коррупцией, экологией, бюрократией и Чечней очень трудно, то мы решили уж хотя бы в вопросе смертной казни не отставать от «больших». И *вопреки мнению русского народа* смертную казнь запретили в России, как вопреки мнению европейских народов ее запретили в Европе.

Но я, как видно, демократ с изъяном. И хотя мне говорят, что стыдно соглашаться с таким ретроградом, как аги-